

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ПРИЕМА НЕНАДЕЖНОГО РАССКАЗЧИКА В РОМАНЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «THE SENSE OF AN ENDING»

А. Федосеева

4 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. Г.В. Заломкина

Прежде чем говорить о модификации приема, определимся, что такое ненадежный рассказчик и к какому направлению постмодернизма относится рассматриваемое произведение.

Джеймс Фелан выделяет три функции любого рассказчика: сообщение фактов, интерпретация, оценка [1, с.50]. Ненадежный рассказчик, намеренно или нет, нарушает условия договора с читателем на представление истории «такой, как она есть» и подрывает доверие читателя к своей способности адекватно выполнять эти функции. Таким образом, рассказ о событии не равен самому событию.

В данном случае мы рассматриваем особую современную ступень постмодернизма, в которой исследовательница Ольга Джумайло находит отчетливые черты исповедальности [2]. Ядром такой модификации постмодернистского романа является «воскрешение субъекта», который занят экзистенциальным поиском. Текст представляет собой историю, рассказанную субъектом с целью обрести свою идентичность. На примере романа *The Sense of an Ending* мы рассмотрим, как по-постмодернистски разворачивается поиск личности (а точнее, концепция ее ненаходимости, недостижимости).

Перед читателем раскрывается история жизни Тони Уэбстера, написанная им самим. Рассказчик в своем повествовании опирается на свои воспоминания, которые, как он сам выясняет по ходу повествования, не совпадают с событиями. Сюжет строится вокруг центрального вопроса: равна ли наша память о жизни самой жизни? Через преграды своей памяти Тони пытается заново выстроить облик себя и меру своей ответственности через свою причастность к трагедии, связанной с самоубийством в юности его друга Адриана. Однако под конец рассказчик оказывается неспособен довести дело до логического завершения: Тони много раз раскрывает для себя забытые темные глубины своей памяти – и каждый раз ошибается в своих выводах по поводу истинной причины смерти Адриана и последовавших за этим событий, которые перечеркивает следующее открытие. В конце концов он резко обрубает свой рассказ, и его последний вывод не кажется финалом. Скорее он напоминает попытку прекратить поиск истины и вместе с этим – себя.

Основные мотивы романа связаны с невозможностью создать целостную, последовательную, осмысленную историю. Например:

1. Несовершенство памяти и воспоминаний, их иллюзорность, избирательность, искажение и выпадение: «If asked in a court of law what happened and what was said, I could only attest to the words ‘heading’, ‘stagnating’ and ‘peaceable’. I’d never thought of myself as peaceable – or its opposite – until then. I would also swear to the truth of the biscuit tin; it was burgundy red, with the Queen’s smiling profile on it» [3, с. 38].

2. Разрушающее воздействие времени, его странное течение: «...it takes only the smallest pleasure or pain to teach us time’s malleability. Some emotions speed it up, others slow it down; occasionally, it seems to go missing – until the eventual point when it really does go missing, never to return» [3, с. 4].

3. Непостоянство личности и отсюда невозможность самоидентификации: «All I could plead was that I had been its author [of the letter] then, but was not its author now. Indeed, I didn’t recognise that part of myself from which the letter came. But perhaps this was simply further self-deception» [3, с. 107].

4. Неоднозначные материальные свидетельства/документация, которые должны служить объективным подтверждением истории: «...as the witnesses to your life diminish, there is less corroboration, and therefore less certainty, as to what you are or have been. Even if you have assiduously kept records – in words, sound, pictures – you may find that you have attended to the wrong kind of record-keeping» [3, с. 65].

5. Переосмысление прошлых действий, приписывание им новых мотиваций/причин: «Again, I must stress that this is my reading now of what happened then. Or rather, my memory now of my reading then of what was happening at the time» [3, с. 45].

Под конец Тони понимает, что любая история (в том числе и о себе) будет ложной, искусственной, безнадежной попыткой соединить в единое смысловое целое фрагменты прошлого. Попытка собственной идентификации, так же как и упорядочения мира, обречена на провал.

Таким образом, в исповедальном постмодернистском романе все подчинено принципу ненадежности. Ненадежность становится средством создания единственного верного для постмодернизма изображения человека, который не в состоянии обрести себя, и который понимает, что не может доверять ни миру, ни себе; а читатель не может доверять рассказчику.

Библиографический список

1. Phelan, J. Living to Tell about it: A Rhetoric and Ethics of Character Narration. Cornell University Press, 2005.
2. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000гг. Дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2014.
3. Barnes, J. The Sense of an Ending. London: Jonathan Cape, 2011.